

«Кавказская специфика»: теоретическое осмысление

Николай Юрьевич Силаев,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО МИД России, Москва.

E-mail: nikolai.silaev@gmail.com

Представления о расколе между Северным Кавказом и остальной Россией опираются на политизированный нарратив о «северокавказской специфике». Он препятствует содержательному анализу наблюдаемых особенностей этого региона. В статье рассматривается теоретическая и методологическая база для подобного анализа. Понятие «традиционное общество», которое нередко применяется к Северному Кавказу, не может быть положено в основу убедительного объяснения происходящих в регионе процессов. Однако и более совершенные концепции, например теория «открытого доступа» Д. Норта, ограниченно пригодны для их анализа. В статье предлагается такая аналитическая рамка для исследования региональных различий, которая фокусируется на процессах установления силовой монополии (Н. Элиас), укреплении гражданства как устойчивой связи между индивидом и государством (Ч. Тилли) и расширении инфраструктурной власти государства (М. Манн). Подобный подход опирается на теоретические и эмпирические наработки В. Волкова, сделанные им при изучении скрытой фрагментации государства и «силового предпринимательства» в России. Оценка инфраструктурной власти государства может быть основана на таких маркерах, как устранение альтернативных центров силы и распространение тех или иных практик гражданского участия. Экстраполяция данного подхода на анализ локальных и межрегиональных различий в практике функционирования государственных институтов может создать новые перспективы для изучения специфики Северного Кавказа и других регионов в контексте российской политической трансформации.

Ключевые слова: Северный Кавказ, гражданство, региональные сравнения, региональные политические трансформации.

“The North Caucasus peculiarities”: an attempt to theorize.

Nikolai Silaev, Moscow State University for International Relations (MGIMO), Moscow, Russia. E-mail: nikolai.silaev@gmail.com.

The beliefs that there is a cleavage between the North Caucasus and the rest of Russia are based upon politicized narrative of “the North Caucasus peculiarity”. This narrative blocks the substantial analysis of the differences of this region. The article observes the theoretical and methodological approaches for such

analysis. It suggests that the notion of “traditional society” often applied to the North Caucasus region cannot provide convincing explanation for the empiric facts. However, such advanced conceptions as Douglas North’s theory of “open access” can hardly be applied towards the North Caucasus as well. The article offers the analytical frame explaining the regional differences which focuses on the processes of the establishment of power monopoly (N. Elias), building citizenship as a stable relationship between individual and society (Ch. Tilly) and expansion of infrastructural power of the state (M Mann). The approach is also based upon theoretical and empirical results of V. Volkov’s research of “violent entrepreneurship” and latent fragmentation of state institutions in Russia. The assessment of infrastructural power of the state can be based on such markers as elimination of alternative centers of force and spread of citizen participation. Implying the approach to the problem of local and regional differences can be fruitful for the study of the North Caucasus and other regions in a broader context of the political transformation in Russia.

Keywords: the North Caucasus, citizenship, regional comparisons, regional political transformations.

В российском общественном мнении распространён тезис о выпадении Северного Кавказа из правового, политического и культурного пространства России. Один из самых влиятельных исламоведов России Алексей Малашенко говорит о регионе как о «внутреннем зарубежье», которое входит в состав страны, но фактически живёт по своим законам, имеющим мало общего с законодательством РФ [10]. Понятие «внутреннее зарубежье» использовали и авторы Международной кризисной группы применительно к Чеченской Республике [20]. Распространены представления об особых свойствах северокавказской коррупции, делающих её особенно вредоносной, качественно иных (по сравнению с остальной территорией страны) механизмах социальной организации и социального контроля на Северном Кавказе: тесных родственных связях, власти исламского духовенства, исламских общин и других институтов «традиционного общества».

Истоки нарратива «северокавказской специфики», «северокавказской особенности» могут быть прослежены как в отечественной версии ориентализма, представленного в работах исследователей времён Российской империи и переживающего возрождение на фоне краха марксистских социологических концепций после распада СССР, так и в традиционалистской идеологии, вызревшей внутри советского общества и ставшей основой постсоветских национализмов [21]. Этот нарратив имеет и отчётливый политический смысл. Во-первых, он оправдывает большие и малые изъятия из законного порядка — фактически изъятия из суверенитета РФ — тем, что «это Кавказ, здесь нельзя иначе». Это особенно важно, учитывая высокую капитализацию таких

изъятий. Во-вторых, он делает особенно значимой фигуру «посредника», стоящего между Кавказом и Россией (регионального чиновника, офицера, эксперта, лидера этнической культурной организации, журналиста и т.д.) и обеспечивающего связи между двумя этими сущностями, «представляющего» и «объясняющего» Кавказ России (и наоборот).

Но отличия Северного Кавказа от многих других территорий страны действительно наблюдаемы: от более высокого уровня политического насилия до аномально высоких средних баллов ЕГЭ [13]. Понятие «внутреннее зарубежье» оказывается хотя ярким и ёмким, но слишком размытым для описания и тем более для объяснения происходящего на Кавказе. Ссылки на «полиэтничность» и «поликонфессиональность» республик Северокавказского федерального округа, несмотря на их распространённость, не слишком убедительны. Москва, да и любой другой крупный город, столь же «полиэтнична» и «поликонфессиональна», но это не препятствует регулярным практикам государственного управления. Столь же неубедительны и аргументы о сложной и драматической истории Северного Кавказа, которая продолжается в «матрицах сознания» живущих в этом регионе людей [11, с. 14]. Однако как «исторические травмы», так и «матрицы сознания» — предмет конструируемый, и можно привести примеры, когда схожие трагические события в схожих, казалось бы, случаях получают отчётливо различающиеся интерпретации. В этом контексте обращают на себя внимание оттенки политики памяти о сталинских депортациях в Чечне и Ингушетии с одной стороны, и в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии — с другой. «Историческая травма» в большей степени определяется структурой политических возможностей, в которой обнаруживает себя тот или иной активист или интеллектуал, чем, собственно, историческими фактами. Сама этничность, как и иные культурные маркеры, слишком изменчива и текуча, чтобы служить достаточно стабильным объяснительным фактором.

В контексте всего вышесказанного вполне очевидна нехватка теоретической модели, которая бы позволяла описывать и исследовать специфику Северного Кавказа, а также сравнивать его историческую и политическую траекторию с другими регионами страны. Целью данной статьи является создание такой макросоциологической модели.

ГДЕ ИСКАТЬ ОБЪЯСНЕНИЯ?

Д.В. Соколов и И.В. Стародубровская, описывая институциональные факторы конфликтов на Северном Кавказе, обращаются к двум теоретическим моделям: «сильные общества и слабые государства» Джоэла Мигдала и «порядки открытого и закрытого доступа» Дугласа Норта.

Мигдал исследовал, почему многим странам третьего мира после освобождения от колониальной зависимости так и не удалось построить эффективные государственные институты и обеспечить монополию на насилие. Он связал этот провал с такой структурой власти в этих государствах, которая вынуждает правителя соглашаться на существование местных элит, влиятельных и автономных от государства, или даже опираться на эти элиты. Суть модели Норта [12] в различении естественных государств, или порядков закрытого доступа, и порядков открытого доступа — с открытым и равным доступом граждан к легитимному насилию, обеспечивающему их личную безопасность, защиту собственности и контрактов. При этом естественные государства делятся на хрупкие, базисные и зрелые в зависимости от их способности обеспечить устойчивость правящих элитных коалиций и институциональных структур. Исследователи считают, что «разрушение СССР привело к регрессу от базисных к хрупким порядкам ограниченного доступа на значительной части территории Северного Кавказа» [17, с. 48].

Сама по себе характеристика институциональной среды Северного Кавказа как порядка закрытого доступа, при котором нарушена монополия на насилие, отсутствуют равные для всех правила игры, государственные институты в большей степени «приватизированы» и поставлены на службу частных лиц или групп интересов, имеет право на существование.

Однако, во-первых, неясно, должны ли описанные теоретические модели работать на субнациональном уровне, т.е. не в стране в целом, а на части её территории? И если Россия относится к естественным государствам по Норту, то как в рамках его модели можно объяснить субнациональные вариации, такие как Северный Кавказ? Наконец, следует рассматривать порядок открытого доступа как имеющийся в действительности социальный порядок или как идеал, в сторону которого направлено развитие национальных государств с момента их возникновения в Европе? Ведь будь идеал уже достигнут, будь доступ к легитимному насилию в равной мере открыт, не осталось бы места таким явлениям, как борьба за гражданские права в США или терроризм в Северной Ирландии. И стоит ли в связи с этим проводить резкую черту между естественными государствами и порядком открытого доступа, тем более всё равно приходится прибегать к оговоркам: «Советский Союз представлял исключение среди естественных государств — в нём была обеспечена монополия на насилие» [17, с. 48].

Во-вторых, Джоэл Мигдал строил своё объяснение динамики постколониальных государств, исходя из тезиса о силе негосударственных властных структур, в т.ч. местных элит, с которыми не может справиться государство. Однако этот тезис оставляет в стороне ту особенность, что колониальная администрация весьма активно перестроила

«традиционные» институты во многих регионах мира. На выходе была получена особая социальная среда, зависящая от структур колониального (постколониального) государства и от глобального капитала. «Туземная администрация была первым продуктом социогенеза колониального общества, главным катализатором которого была надстроечная структура — колониальное государство. Значимость этого факта очевидна в связи с той огромной и независимой ролью, которую надстроечные (политические) институты играли в процессах социогенеза в поздних колониальных и постколониальных африканских обществах», — пишет И.И. Филатова [19, с. 86]. Внутриполитическая динамика постколониальных государств может и не исчерпываться внутриполитическими факторами и внутренней социальной динамикой, точнее на их социальную динамику огромное, если не решающее значение оказал сам характер их интеграции в глобальную экономическую систему [19, с. 98]. Мир-системный анализ Валлерстайна здесь может оказаться адекватнее и убедительнее, например, теории модернизации.

Понятие «традиционного общества», которое якобы не принимает «современные» государственные порядки, применительно к Северному Кавказу не обладает аналитической ценностью. То, что наблюдатели привычно называют «традиционным», в действительности представляет собой продукт деятельности имперской или советской администраций. Вообще в отечественных дискуссиях о Северном Кавказе понятие «традиции» весьма популярно, поскольку, с одной стороны, прекрасно укладывается в теорию модернизации («современность», т.е. индивидуализм, рациональность, частная собственность, рынок и капиталистическое производство, гражданское общество и демократия против «традиции» в лице коллективизма, иррациональности, размытых прав собственности, натурального или близкого к таковому хозяйства, авторитаризма, слияния публичной и частной власти), а с другой — укоренено в отечественной этнологической и антропологической традиции. Для неё характерно более или менее выраженное стремление к реконструкции неких идеальных и устойчивых, почти неподвижных культуры, образа жизни, социального порядка того или иного этноса, который, в свою очередь, понимается как чётко ограниченная, однородная группа. Исследовательская задача нередко ставится как выявление «традиционной культуры», очищенной от наслоений и искажений, привнесённых в неё чуждыми современными влияниями. В.А. Тишков пишет о «третировании современности», свойственной отечественным этнологическим исследованиям [18, с. 31].

Двести и более лет пребывания Северного Кавказа в составе Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации необратимо изменили общества региона, не говоря о том, что и средневековый

Кавказ отнюдь не был образцом неподвижной «традиции». Показательно, что, чувствуя необходимость дать определение «традиционному обществу», И.В. Стародубровская определяет его через демографические характеристики и гендерные роли, лишь в самом общем виде касаясь институциональных рамок этой «традиционности»: высокая рождаемость, подчинение старшим и взаимная ответственность поколений, высокая роль религии в регулировании всех сторон жизни, ограничение мобильности девушек и женщин и т.д. [17, с. 49]. Эти характеристики, бесспорно, справедливы для немалой части северокавказского социума, но они немного объясняют во взаимодействии этого социума с российской системой публичной власти.

Наконец, ни концепция «открытого доступа» Дугласа Норта, ни понятие «традиционного общества» не могут объяснить тот «градиент специфики», который явно наблюдается с северо-запада на юго-восток вдоль Главного Кавказского хребта. Уровень политического насилия, масштабы дисфункции государственных институтов, значение неформальных политических практик нарастают в этом направлении. Затруднительно провести границу, за которой начинается «Кавказ». По «кавказскую» сторону этой границы окажутся многие территории, не входящие в соответствующий федеральный округ. Ментальная география Кавказа (т.е. отражение административных и прочих границ в сознании интеллектуалов и общества, конструирование этих границ, наделение их политическим смыслом) может быть отдельной темой исследования. Отметим лишь, что важной символической границей могут называть КПП в селе Чермен, разделяющий Северную Осетию и Ингушетию. Северная Осетия с её религиозным синкретизмом объявляется «российским форпостом на Кавказе» или «самой российской из северокавказских республик».

В видении Д. Соколова «„Граница“ широкой полосой проходит через сельские районы Ставропольского края, восточные районы Краснодарского края, Ростовской и Астраханской областей». Он описывает такую границу как фронт, подвижную контактную зону между разными социально-экономическими укладами, где присутствует конкуренция между «джамаатскими» и «постколхозными» институциональными рамками [16, с. 9]. Вообще парадигма фронта в исторических и социологических исследованиях Северного Кавказа может быть плодотворна. Примером этого является работа Т. Баррета [23], описавшего такой фронт в имперскую эпоху. Однако в случае с Кавказом речь идёт, во-первых, о механизмах самоорганизации людей в условиях уже сложившейся дисфункции государственных институтов, а во-вторых, эта самоорганизация охватывает прежде всего сельскую местность (хотя необходимо оговорить большую значимость

сообществ односельчан, переехавших в город, в Дагестане, прежде всего — в Махачкале [7, с. 164]). Такой фронтир в меньшей степени описывает характер взаимодействия локальных сообществ с системой публичной власти.

Кроме того, «градиент специфики», направленный вдоль Главного Кавказского хребта, должен быть дополнен иными гранями территориальных различий. Город, село, пригородное село, горное село, горное село в местности с развитой экономикой туризма дают разные масштабы значимости неформальных политических и правовых практик и дисфункции государственных институтов. Всё это трудно описать в рамках простого противопоставления открытого и закрытого доступа или оппозиции традиции и современности.

ГОСУДАРСТВО, НАСИЛИЕ, ГРАЖДАНСТВО

Более чувствительный аналитический инструмент лежит в области исследований становления национальных государств как, согласно определению Макса Вебера, территориальных монополий легитимного физического насилия [2, с. 645]. Важное место в рассуждениях Вебера занимает понятие «политического сообщества»: это «сообщество, социальное действие которого направлено на подчинение упорядоченному господству „территории“ и её обитателей посредством готовности применить физическую силу, включая, как правило, силу оружия».

Норберт Элиас описал конкуренцию территориальных монополий насилия — от отдельных феодалов до национальных государств Нового времени — как основной процесс европейской и мировой истории. В ходе этого процесса идёт постоянное вытеснение, подчинение, уничтожение проигравших монополий, центров силы (политических сообществ). Параллельно с этим растёт внутренняя сложность политических сообществ-победителей, возникают устойчивые аппараты господства, монополии насилия дополняются монополиями на сбор налогов. «Всякий раз, как равновесие смещается в сторону общностей более высокого порядка, обеспечивая преимущество сначала крупных феодалов перед мелкими, затем королей перед крупными феодалами и удельными князьями, подобная трансформация предполагает возникновение иной, более сильной дифференциации функций, удлинение цепочек взаимодействий в социальной организации, независимо от того, идёт ли речь о военной или хозяйственной организации общества» [22, с. 88]. Возникновение системы национальных государств в Европе стало промежуточным, потому что Элиас полагал, что монополизация будет продолжена итогом этого процесса.

Элиас весьма оптимистичен в прогнозах по поводу итогов процесса монополизации силы, который, по его мнению, на национальном уровне приводит к правовому государству и демократической политике. Этот прогноз оправдывается для Запада, но в масштабах мира действительность иная. С одной стороны, ядерное оружие сделало цену конфликта между крупнейшими государствами запретительно высокой. С другой, хотя формально мир поделён между двумя сотнями государств — членом ООН, пожалуй, меньшинство этих государств отвечает тому социальному порядку, который, по логике Элиаса, должен вырасти из установления территориальных силовых монополий. Эти монополии постоянно сталкиваются с вызовом уже не столько извне, сколько изнутри. Их оспаривают разного рода автономные центры власти — мятежники, локальные элиты, организованная преступность, бюрократические «кланы», причём нередко эти силы могут быть тождественны. Можно сказать, что многие территории мира пока далеки от «огосударствления» в том смысле, который вкладывали в это слово Вебер и Элиас. Глобальный тренд неясен. Нет твёрдой уверенности в том, что он направлен в сторону полного утверждения государств как носителей территориальных монополий легитимного насилия. Возможно, наоборот, национальное государство как историческая форма социальной организации подвержено эрозии: зрелое — со стороны транснациональных игроков, международных организаций, сетей и корпораций, слабое — со стороны в широком смысле «сил догосударственного порядка», т.е. всех тех, кто оспаривает монополию на легитимное насилие изнутри государств [15]. При этом, в отличие от государств Европы Нового времени, многочисленные политии, возникшие в мире на волне процесса деколонизации, практически не сталкиваются с угрозой завоевания и уничтожения, поскольку международное право после 1945 г. достаточно эффективно блокирует применение силы в международных отношениях. Отсутствие такой угрозы лишает эти государства наиболее весомых стимулов к развитию [5, с. 463—464].

Вадим Волков успешно применил подход Элиаса для анализа организованной преступности в России в 90-е гг. как альтернативного распадающегося государству поставщика услуг безопасности в условиях складывающегося рынка [3]. Этот опыт может послужить доказательством того, что модель работает на субнациональном уровне. Однако, как и у Волкова, она должна быть дополнена аналитическими инструментами Чарльза Тилли и Майкла Манна.

В статье «Возникновение гражданства во Франции и где бы то ни было» Тилли привёл следующую схему [25, р. 229]:

Расширяющаяся военная активность	→	экспансия государства	→	прямое правление
↓		↓		↑
Народное сопротивление		→	борьба	→
			↑	делка → гражданство.

Эта схема иллюстрирует процесс зарождения и развития национальных государств в Европе и важнейшего института этих государств — гражданства. Усиливающаяся военная активность государств Нового времени требует всё больших ресурсов: во-первых, людей, которые будут служить в армиях, во-вторых, денег для строительства этих, технически всё более оснащённых, армий и ведения всё более дорогостоящих войн¹. Это требование побуждало государства к экспансии в те социальные сферы, где оно ранее не присутствовало, к внедрению всё более совершенных систем контроля за населением, преследующих цели изъятия ресурсов в виде новобранцев и налогов. Экспансия порождала сопротивление в виде бунтов против новых налогов или новых механизмов контроля. Сопротивление подавлялось или приводило к сделке между государством и народом (отдельными социальными группами) об условиях изъятий. Из циклов экспансии, борьбы и сделок возникли прямое правление (*directrule*) и гражданство.

Гражданство Тилли определяет как продолжающуюся серию транзакций между личностями и агентами данного государства, в которой каждый имеет обеспеченные (*enforceable*) права и обязательства исключительно вследствие членства в категории [граждан] по рождению или натурализации [25, р. 230]. Хотя в европейской истории есть примеры «множественного» (или, скорее, «вложенного») гражданства — швейцарское гражданство кантона и гражданство конфедерации, — речь идёт, по сути, о замене средневековой системы сословий, социальных и юридических категорий, имеющих по-разному определённые отношения с государством, единым «корпусом граждан», в той или иной степени несущих обязательства перед государством (уплата налогов, военная служба) и наделённых правами как на защиту со стороны государства, так и на долю в управлении этим государством — правами избирать и быть избранным, занимать государственные должности и т.д. Современные институты гражданства возникли в результате постепенного расширения этой категории путём включения неимущих, женщин и т.д., а также через расширение самого содержания гражданства — право на всеобщее образование, охрану труда, социальные пособия и т.д.

Возникновение института гражданства тесно связано с установлением прямого правления. «Прочное гражданство зависит от прямого правления: наложение по всей единой территории относительно

¹ Расширяющаяся военная активность как важнейший фактор возникновения национальных государств в Европе, похоже, уже не оспаривается. Хотя остаётся открытым вопрос, почему именно в этой части мира именно в эту эпоху война приобрела такой размах. Обсуждение этого вопроса см. у Р. Лахмана [9, с. 200—202], П. Андерсона [1, с. 30]. Мнение Андерсона: «Война была, вероятно, самым рациональным и быстрым способом извлечения избытков, доступным правящему классу при феодализме».

стандартной системы, в которой эффективная иерархия государственных должностных лиц простирается от национального центра до отдельных местностей и оттуда назад к центру... Непрямое правление блокирует гражданство для всех, кроме небольшой связанной правящей элиты» [25, р. 228–229]. Понятие непрямого правления важно в северокавказском контексте. Знаменитые слова раннего Б.Н. Ельцина: «Берите суверенитета, сколько можете проглотить» (с позднейшим: «Чечня своим суверенитетом подавилась»), — можно истолковывать как реакцию центральной власти на «парад суверенитетов» и попытку сохранить хотя бы номинальное единство страны в условиях такого «парада». Но можно и расценить их как приглашение региональных элит к непрямому правлению — делайте у себя всё, что вам заблагорассудится, воздерживаясь только от открытой сецессии. Примеры непрямого правления на Северном Кавказе уже после Ельцина очевидны, как очевидны и изъятия из гражданства, самое яркое из которых — это негласные ограничения на службу в армии призывников из некоторых северокавказских республик [4].

Описанное Тилли сочетание гражданства и прямого правления перекликается с понятием инфраструктурной власти национальных государств, сформулированным Майклом Манном. В отличие от деспотической власти (этот термин Манн употребляет безоценочно), для которой характерна значительная автономия государства и общества при определённой способности государства навязывать обществу свою волю, инфраструктурная власть предполагает своего рода «прорастание» государства в общество. Такой тип власти предполагает, что государство оказывается способным регулировать всё больше сфер жизни общества, вытесняя иные механизмы социальной регуляции. «Инфраструктурная власть — это институциональная способность центрального государственного аппарата, деспотического или нет, проникать на его территории и технически осуществлять решения» [24, р. 59]. Иллюстрируя этот тезис, Манн пишет, что сегодняшние британское или американское государства могут, опираясь на статистические данные об обществе, обложить налогом его доход и благосостояние и извлечь свою долю так, что он к ней даже не прикоснётся. «Кто бы ни контролировал эти государства, у него есть бесконечно больший контроль над мной, чем был у аграрных государств над моими предками» [24, р. 61].

Инфраструктурная власть предполагает и обратный контроль общества над государством через политические партии, группы влияния и иные подобные организации и институты. В определённой мере можно говорить о слиянии государства и гражданского общества. Правда, как и сочетание гражданства и прямого правления у Тилли, инфраструктурная власть у Манна не синонимична демократии. Тилли отмечает, что авторитарные режимы в Западной Европе — Франко,

Салазар, Гитлер, Муссолини — «усилили узы гражданства» [25, р. 234]. В этом контексте Советский Союз предстаёт государством, равно усилившим свою инфраструктурную власть и гражданство по сравнению с его предшественниками на той же территории. СССР сделал решающий шаг в сторону ликвидации категориального неравенства, хотя существует точка зрения, что, несмотря на формальное равенство советских граждан, на практике они были поделены на неравноправные во многих отношениях «социально-учётные группы» [8, с. 61]. Добавим ещё, что сколь бы «регулярной» ни казалась советская бюрократия по прошествии двух десятков лет со времени её краха, открытым остаётся вопрос о степени публичности советской власти. Достаточно сказать, что во многих случаях председатель колхоза был гораздо влиятельнее председателя сельсовета, а значительные территории выпадали из собственно системы публичной власти, поскольку находились фактически во власти экономических ведомств и отдельных предприятий — будь то города при крупных оборонных заводах или территории освоения, такие как нефтеносные регионы Западной Сибири. С этой точки зрения Советский Союз, несмотря на до сих пор распространённые его определения как «империи», сделал решающий вклад в распространение и укрепление гражданства по всей территории, которую контролировал, в т.ч. и на Северном Кавказе.

Понятие инфраструктурной власти было сформулировано и описано в рамках макросоциологических исследований, в центре которых были крупные и длительные исторические процессы. Однако упоминавшаяся выше работа Вадима Волкова показывает, что теоретический аппарат Тилли и Манна может работать и при изучении не столь масштабных явлений, как возникновение современных национальных государств. В частности — для анализа проблемы «скрытой фрагментации государства» (термин Волкова), т.е. дисфункции государственных структур при их формальной целостности, как в России 90-х. Этот теоретический аппарат применим и к современному Северному Кавказу. Модель Тилли и Манна не предполагает жёсткого (и, говоря откровенно, несколько вымученного) градуирования социальных порядков на «естественные хрупкие», «естественные базисные», «естественные зрелые» и «открытого доступа», как это предлагает Д. Норт. Мы можем говорить о большей или меньшей инфраструктурной власти, больших или меньших проявлениях непрямого правления, более или менее сильном гражданстве. Это позволит уловить и тот «градиент специфики», который с трудом поддаётся описанию, если мы акцентируем внимание на состоянии социума, а не на процессе, который он переживает, пытаемся говорить о его статической характеристике, а не о доминирующих трендах.

К НОВОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Перспектива анализа насилия, гражданства, инфраструктурной власти на Северном Кавказе позволяет наметить некоторые исследовательские вопросы для изучения новейшей истории этого региона. Естественно, список этих вопросов окажется далеко не исчерпывающим.

В какой мере, за счёт каких механизмов и насколько эффективно федеральные власти устранили альтернативные центры силы, подрывающие государственную монополию на насилие на Северном Кавказе? Динамика здесь очевидна. 20—25 лет назад в регионе существовало несколько вооружённых групп, готовых применять насилие и применявших его, при этом иногда претендовавших на локальную силовую монополию. Самым заметным примером была сепаратистская Чечня. Сейчас подобные группы малочисленны и не могут претендовать на контроль над определённой, пусть и малой, территорией. Устраняются, хотя непоследовательно, и влиятельные, обладающие собственным ресурсом насилия политические фигуры, разнообразные strongmen — здесь наиболее показательным случаем был арест мэра Махачкалы Саида Амирова.

Москву нередко упрекают в силовой политике на Северном Кавказе, но этот упрёк не заслужен. Урегулирование в Чечне было достигнуто не только за счёт силового подавления очага сепаратизма, но и благодаря широкому компромиссу с частью лидеров, фактически осуществивших власть на территории отколовшегося региона. Этот компромисс включал в себя и определённые изъятия из стандартных норм практик управления, да и из суверенитета страны. Другими словами, федеральные власти взяли на вооружение практику непрямого правления, характерную для Российской империи и современных ей западноевропейских государств Нового времени, используя её как инструмент интеграции однажды отколовшегося региона.

Нужно отметить: само по себе явление локальных strongmen, в т.ч. обладающих силовым ресурсом и узурпирующих государственную власть на определённой территории, не представляет собой явление исключительно северокавказское. Достаточно вспомнить трагическую историю станицы Кущёвской в Краснодарском крае или некоторые страницы новейшей истории регионов Дальнего Востока. Эрозия государства выглядит похоже в самых различных географических и культурных контекстах.

Каковы северокавказские практики гражданства, какие именно связи с государством подразумевает статус гражданина? В этом контексте важно, например, участие в выборах — федеральных, региональных,

муниципальных. Характер и масштаб участия варьируется в зависимости от республики, района, населённого пункта. Крайне низкая явка может открывать обширные возможности для фальсификаций. В то же время низкий уровень поддержки правящей партии и президента в селе — зафиксированный на выборах — может при некоторых условиях выступать в качестве довода, который муниципальные власти приводят региональным, требуя увеличения субсидий или реконструкции инфраструктуры.

Степень активности избирателей может варьироваться в зависимости от уровня выборов: равнодушие к выборам федеральным может сопровождаться интересом к выборам муниципальным. Е.Л. Капустина отмечает практику, когда в горном дагестанском селе де-факто выборы проходят на собрании жителей села на площади или в мечети, а затем официальная электоральная процедура лишь оформляет результат [6, с. 47—48]. Разные практики политического участия указывают на разнообразии трактовок гражданства, разнообразии сущностей, опосредующих связь между индивидом и государством.

Заметим, что одной — но не единственной и не доминирующей — из таких сущностей-посредников оказывается этничность. Советская система институционализированной этничности, которая если не создала, то завершила создание современной административной и политической карты Северного Кавказа, ныне не поддерживается в прежнем виде. Однако некоторые значимые её элементы сохранились, и в поддержании культурных границ важнейшую роль играют государственные институты республик. Наряду с этничностью эту функцию может выполнять религиозная принадлежность, которую практически не отличить от этничности по её способности организации социальных границ и выстраивания политических оппозиций, локальная идентификация или семья [14, с. 138].

ВЫВОДЫ

Анализ специфики Северного Кавказа на основе теории инфраструктурной власти государства позволяет оценить характер интеграции различных территорий и социальных сред в этом регионе. Такая объяснительная модель даст возможность описать и объяснить наблюдающуюся здесь специфику. Одновременно данный анализ создаст основу для межрегиональных сравнений, не привязанную к таким неопределённым категориям, как этническая или конфессиональная принадлежность.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010. 512 с.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Волков В.В. Силовое предпринимательство. Экономико-социологический анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 349 с.
4. Генерал-сегрегаторы // Черновик. № 38. 2012. 28 окт.
5. Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Территория будущего, 2010. 560 с.
6. Капустина Е.Л. Выборы в сельском Дагестане. Политическое событие как элемент социальной жизни // Общество как субъект и объект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. С. 47—48.
7. Капустина Е.Л. Сельские этюды к городскому пейзажу: трансформация городского пространства в контексте миграционных процессов в Дагестане и сельские землячества в Махачкале начала XXI века // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 111—175.
8. Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. 192 с.
9. Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Территория будущего, 2010. 456 с.
10. Малашенко А.В. Северный Кавказ: зарубежный субъект Российской Федерации? Бриффинг. Т. 13. Вып. 3. 2011, ноябрь // CARNEGIE.RU: Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/2011/11/22/ru-pub-46232> (дата обращения: 21.11.2017).
11. Малашенко А.В., Тренин Д.В. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Моск. Центр Карнеги, Гендальф, 2002. 267 с.
12. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
13. Общественная палата призывает власти Северного Кавказа отреагировать на ситуацию с ЕГЭ. 04.06.2013 // INTERFAX.RU: международная информационная группа «Интерфакс». URL: <http://www.interfax.ru/russia/news.asp?id=310427> (дата обращения: 21.11.2017).
14. Рогозин Д.М. Фамильное гражданство молодежи Северного Кавказа // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 132—152.
15. Силаев Н.Ю. Возвращение варварства // Россия в глобальной политике. 2014. № 5. С. 152—161.
16. Соколов Д.В. Конкуренция социально-экономических укладов: джамаат против колхоза // Фронтир. 2013. Май. С. 7—30.
17. Соколов Д.В., Стародубровская И.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М.: Дело, 2013. 280 с.
18. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
19. Филатова И.И. Африканская государственность и африканский ренессанс: парадокс ненормальности или нормальность парадокса // Государственный суверенитет vs право наций на самоопределение. М.: ГУ ВШЭ, 2011. С. 74—112.
20. Чечня: внутреннее зарубежье. Доклад № 236 (Европа) Международной кризисной группы. 30.06.2015 // KAVKAZ-UZEL.EU: информационный портал. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/264772/> (дата обращения: 21.11.2017).
21. Штырков С.А. Прогрессивные народные традиции: обретение и изобретение (случай Северо-Осетинской АССР в 1960-е годы) // Общество как субъект и объект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. С. 213—250.

22. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 332 с.
23. Barrett T. Lines of Uncertainty. The Frontiers of the North Caucasus // Burbank J., Ransel D. Imperial Russia: New Histories of the Empire. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 148–173.
24. Mann M. The Sources of Social Power: the Rise of Classes and Nation States, 1760–1914. Vol. 2. N.-Y.: Cambridge University Press, 1993. 824 p.
25. Tilly Ch. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere // Citizenship, Identity and Social History. International Review of Social History, supplement 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 223–236.

REFERENCES

1. Anderson P. *Rodoslovnaja absolutistskogo gosudarstva* [Lineages of the absolutist state]. Moscow, Territorija budushhego Publ., 2010, 512 p. (In Russ.)
2. Weber M. *Politika kak prizvanie i professija* [Politics as a vocation]. Moscow, Progress Publ., 1990, 808 p. (In Russ.)
3. Volkov V.V. *Silovoe predprinimatel'stvo. Jekonomiko-sociologicheskij analiz* [Violent entrepreneurship. Economic and social analysis]. Moscow, GU VShJe Publ., 2005, 349 p. (In Russ.)
4. General-segregatory. [Generals-segregators]. *Chernovik*, 2012, no. 38, October, 28. (In Russ.)
5. Derlug'jan G.M. *Adept Burd'e na Kavkaze. Jeskizy k biografii v mirosistemnoj perspektive* [Bourdieu's secret admirer in the Caucasus: a world-system biography]. Moscow, Territorija budushhego Publ., 2010, 560 p. (In Russ.)
6. Kapustina E.L. Vybory v sel'skom Dagestane. Politicheskoe sobytie kak jelement social'noj zhizni [Elections in rural Dagestan. Political event as an element of social life]. *Obshhestvo kak subjekt i objekt vlasti. Oчерki politicheskoy antropologii Kavkaza* [Society as a subject and an object of power. Essays on political anthropology]. Saint-Peterburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2012, pp. 47–48. (In Russ.)
7. Kapustina E.L. Sel'skie jetjudy k gorodskomu pejzazhu: transformacija gorodskogo prostranstva v kontekste migracionnyh processov v Dagestane i sel'skie zemljachestva v Mahachkale nachala XXI veka [Rural sketches of urban landscape: the transformation of urban space in the context of migration pocesses in Dagestan and village communities in Makhachkala in the Beginning of the beginning of the 21st century]. *Kavkazskij gorod: potencial jetnokul'turnyh svjazej v urbanisticheskoy srede* [Caucasian city: the potential of ethnocultural relations in urban environment]. Saint-Peterburg, MAJe RAN Publ., 2013, pp. 111–175. (In Russ.)
8. Kordonskij S. *Rynki vlasti. Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Authority markets. The administrative markets of the USSR and Russia]. Moscow, OGI Publ., 2006, 192 p. (In Russ.)
9. Lachmann R. *Kapitalisty ponevole. Konflikt jelit i jekonomicheskie preobrazovanija v Evrope rannego Novogo vremeni* [Capitalists in spite of themselves: elite conflict and economic transitions in early modern Europe]. Moscow, Territorija budushhego Publ., 2010, 456 p. (In Russ.)
10. Malashenko A.V. *Severnij Kavkaz: zarubezhnyj subjekt Rossijskoj Federacii? Moskovskij centr Karnegi. Briffing*. T. 13, vyp. 3. 2011, November [The North Caucasus: foreign federal subject of the Russian Federation? Carnegie Moscow Center. Briefing. Vol. 13, Issue 3]. Available at: <http://carnegie.ru/2011/11/22/ru-pub-46232> (accessed: 21.11.2017). (In Russ.)

11. Malashenko A.V., Trenin D.V. *Vremja Juga: Rossija v Chechne, Chechnja v Rossii* [The time for the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia]. Moscow, Mosk. Centr Karnegi Publ., Gendal'f Publ., 2002, 267 p. (In Russ.)
12. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja pis'mennoj istorii chelovechestva* [Violence and social orders: a conceptual framework for Interpreting recorded human history]. Moscow, Izd-vo instituta Gajdara Publ., 2011, 480 p. (In Russ.)
13. *Obshhestvennaja palata prizyvaet vlasti Severnogo Kavkaza otreagirovat' na situaciju s EGJe*. 04.07.2013 [The Public chamber asks the North Caucasus to react on the situation with the unified state exam]. Available at: <http://www.interfax.ru/russia/news.asp?id=310427> (accessed: 21.11.2017). (In Russ.)
14. Rogozin D.M. Famil'noe grazhdanstvo molodezhi Severnogo Kavkaza [Family citizenship of the youth in the North Caucasus]. *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2007, no. 1, pp. 132—152. (In Russ.)
15. Silaev N.Ju. Vozvrashhenie varvarstva [The return of barbarism]. *Rossija v global'noj politike*, 2014, no. 5, pp. 152—161. (In Russ.)
16. Sokolov D.V. Konkurencija social'no-jekonomiceskikh ukладov: dzhamaat protiv kolchoza [The competition of social and economic structures: jamaat versus kolkhoz]. *Frontir*, 2013, May, pp. 7—30. (In Russ.)
17. Sokolov D.V., Starodubrovskaja I.V. *Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze* [Sources of conflicts in the North Caucasus]. Moscow, Delo Publ., 2013, 280 p. (In Russ.)
18. Tishkov V.A. *Rekvjem po jetnosu. Issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii* [Requiem for ethnos. Research in social and cultural anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 544 p. (In Russ.)
19. Filatova I.I. Afrikanckaja gosudarstvennost' i afrikanckij renessans: paradoks nenormal'nosti ili normal'nost' paradoksa [African state system and African renaissance: the paradox of abnormality or normality of the paradox]. *Gosudarstvennyj suverenitet vs pravo nacij na samoopredelenie* [State sovereignty vs the right of nations to self-determination]. Moscow, GU-VShJe Publ., 2011, pp. 74—112. (In Russ.)
20. *Chechnja: vnutrennee zarubezh'e. Doklad № 236 (Evropa) Mezhdunarodnoj krizisnaoj gruppi*. 30.07.2015 [Chechnya: the inner abroad / International crisis group. Report № 236 (Europe)]. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/264772/> (accessed: 21.11.2017). (In Russ.)
21. Shtyrkov S.A. Progressivnye narodnye tradicii: obretenie i izobretenie (sluchaj Severo-Osetinskoj ASSR v 1960-e gody) [Progressive national traditions: discovery and invention (the case of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1960s)]. *Obshhestvo kak subjekt i objekt vlasti. Očerki političeskoj antropologii Kavkaza* [Society as a subject and an object of power. Essays on political anthropology]. Saint-Peterburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2012, pp. 213—250. (In Russ.)
22. Elias N. *O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovanija. T. 2. Izmenenija v obshhestve. Proekt teorii civilizacii* [The Civilizing Process. Sociogenetic and psychogenetic research. Vol. II. State Formation and Civilization]. Moscow, Saint-Peterburg, Universitetskaja kniga Publ., 2001, 332 p. (In Russ.)
23. Barrett T. Lines of Uncertainty. The Frontiers of the North Caucasus. In: Burbank J., Ransel D. *Imperial Russia. New Histories of the Empire*. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1998, pp. 148—173. (In Eng.)
24. Mann M. *The Sources of Social Power: the Rise of Classes and Nation States, 1760—1914*. Vol. 2. N.-Y., Cambridge University Press Publ., 1993, 824 p. (In Eng.)
25. Tilly Ch. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere. In: *Citizenship, Identity and Social History. International Review of Social History, supplement 3*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1996, pp. 223—236. (In Eng.)